

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ВЕРБАЛЬНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ

VICTOR I. SHAKHOVSKY

EMOTIONAL WORLDVIEW OF THE IN VERBAL PRESENTATION

Слова — мильные вехи истории
(С. Т. Ульман)

Рассмотрены основные проблемы типов / видов картин мира. Дана их номенклатура. Выделена эмоциональная картина мира как фрагмент языковой. Доказывается невозможность и необъективность оформления единой языковой / эмоциональной картины мира. Предложено новое терминопонятие «русская эмоциональная картина мира».

Ключевые слова: языковая картина мира; эмоциональная картина мира; коммуникативная эмоциональная личность; эмоциональная рефлексия; эмоциональная картина русского мира.

The article explores main issues of the types (kinds) of worldviews (the pictures of the world), provides the list of their nomenclature, and discerns the emotional worldview as a part of the language one. The author proves the impossibility and biased nature of the common language / emotional worldview, and suggests a new notion of “Russian emotional worldview”.

Keywords: linguistic worldview (picture of the world); emotional worldview; communicative emotional person; emotional reflection; Russian emotional worldview.

В 1988 году ИЯ АН СССР выпустил фундаментальное исследование — первое в отечественной науке о языке, посвященное языковой картине мира (ЯКМ). Это было новое терминопонятие, запущенное в научный обиход и ставшее пусковым механизмом целой серии многолетних и плодотворных исследований, продолжающихся и до настоящего дня [8]. В этой монографии ведущие ученые-языковеды Б. А. Серебренников, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов и др. поделились и попытались решить целый ряд наисложнейших вопросов функционирования языка. Даже простой перечень глав и их составных частей указывают на размах исследовательской мысли авторов этой монографии и энциклопедические знания, добытые ими и представленные как новое знание. Назовем лишь некоторые из них: «Картина мира — базисное понятие теории человека», «Функциональное предназначение картин мира в жизнедеятельности человека», «Классификации картин мира», «Как происходит отражение картины мира в языке?», «Роль лексик в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира» и др. Последовавшие за монографией многочисленные исследования дополнили и детализировали многие из теоретических и прикладных результатов данной монографии [Там же].

Виктор Иванович Шаховский

Доктор филологических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Института иностранных языков

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

пр. Ленина, д. 27,
Волгоград, 400066, Россия

► shakhovskiy2007@yandex.ru

Victor I. Shakhovskiy

Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenina pr.,
Volgograd, 400066, Russia

Целью статьи не являются составление полной библиографии по данной проблеме и аналитический обзор проведенных за эти десятилетия исследований. Отметим только, что время от времени появляются отдельные работы, посвященные какой-либо конкретной языковой картине мира. Нас же интересует в первую очередь эмоциональная картина мира. Это объясняется тем, что она изучена наименее полно [10: 72–73]. В то время как эмоциональный фактор является ядром человеческого сознания, мышления, речепроизводства и всей его креативной деятельности, эмоции служат мотивационной основой сознания и, согласно данным психолингвистов, любая мысль зарождается в человеческом сознании первоначально в виде эмоционального образа. Одновременно, именно психолингвистика установила, что лексика любого языка, вопреки мнению лексикологов, вся эмоциональна. Все зависит лишь от доли эмоциональности в семантике слова и от коммуникативной ситуации. На это в свое время обращал внимание еще Шарль Балли в «Стилистике французского языка», но тогда на этот факт никто не обратил внимания и никто его не отразил, ибо весь лингвистический мир был восхищен имманентной лингвистикой Ф. де Соссюра.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью теоретического осмысления специфики лингвистического представления эмоциональной сферы личности / народа. Актуальным является также изучение механизмов и способов объективации эмоций в пространстве языка. Этому процессу посвящено огромное количество разноуровневых исследований, изучались даже эмоциональные концепты (термин А. Вежбицкой). Особое место в этих исследованиях отводится языковой личности как интерпретатору объективной действительности и творца картины мира, в том числе и эмоциональной. Мы уже точно знаем, что люди не отражают мир объективно, они его интерпретируют, причем каждый по-своему. Отсюда и различные эмоционально-оценочные характеристики одного и того же объекта, факта, события, которые давно уже никто не называет объективными.

Мир всегда субъективен, так как люди — индивидуалисты и субъективисты и так как ни правды, ни истины нет: правда у каждого своя, а истина недостижима.

Языковая картина мира, как известно, является важнейшим компонентом языкового сознания. Она формируется благодаря регулярным семантическим связям между словами и понятиями, которые входят в тезаурусы. Она корректируется языковой личностью прежде всего в стилистическом и эмоционально-оценочном плане под влиянием социально-психологических факторов, действующих в языковом обществе. Когда говорят о языковой картине мира (далее — ЯКМ), имеют в виду, что в принципе она невозможна в силу гендерных, возрастных, культурных, темпоральных, географических, политических и др. параметров, которые как раз и не позволяют создать единую для всеобщего языка картину мира.

Меняющийся мир меняет коммуникацию людей, их язык, стиль общения, фонацию (см. подробнее: [15]). А это требует постоянного совершенствования креативной функции языка для лучшего взаимопонимания речевых партнеров в различных видах общения: межперсональном, групповом, институциональном, реальном, художественном, невербальном, в межкультурном, а также виртуальном — зародившемся в XX веке и получившем широчайшее распространение в XXI веке, что особенно наблюдается у молодого поколения планеты и в медиадискурсе. Напомним, что все разнообразие видов коммуникации является достаточно условным, без четких демаркационных различий: например, институциональное общение не является абсолютно самостоятельным видом, т. к. оно осуществляется между различными речевыми партнерами — персоналиями (т. е. и оно является межперсональным и при этом межстатусным). В лингвистической науке не может быть четких и строгих классификаций: имеются лишь различные балансы этих видов, сосуществующих и взаимосвязанных.

Анализ многочисленных работ по языковой картине мира выявляет широкое разнообразие их типов и форм, среди которых выделяется эмоциональная картина мира (далее — ЭКМ).

Выделяется предметно-сущностная, концептуальная, лексическая, фразеологическая, образная, звуковая, цветовая [9; 20; 21], комическая, индивидуально-авторская, универсальная, наивная, ценностная [6], лингвоэмоциональная [7] и др. картины мира. При описании каждого вида ЯКМ исследователи не проводят четкого разграничения между их типами/видами и даже по одному и тому же типу ЯКМ дают аддитивную информацию. Другими словами, ни одна из выделенных картин мира еще не получила достаточно полную научную и иллюстративную презентацию.

Ценностный аспект языковой картины мира отражает ценностные ориентации социума. Нельзя не согласиться с Н. Г. Мартыненко в том, что ценностная картина мира, объективно выделяемая в языковой картине мира, содержит систему моральных ценностей, этических норм и поведенческих правил и реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами [6].

Эмоционально-волевая сфера наряду с интеллектом образует ядро личности. Восприятие окружающей действительности, ввиду биологической, физиологической и психической природы человека, эмоциентрично. Объективируясь в системе языка, эмоциональная жизнь человека отражается в эмоциональной картине мира, которая представляет собой совокупность вербализованных восприятий, ощущений, чувств, эмоций, понятий, концептов, пропущенных через оценочную деятельность человеческого сознания, причем языковая концептуализация эмоций является необходимым этапом формирования эмоциональной картины мира [7: 68–71].

Н. А. Красавский, используя понятие «эмоциональная языковая картина мира», характеризует ее как «определенное множество эмоционально „проработанных“ человеком на базе сенсорных, тактильных, в целом — перцептивных образов, исходящих от окружающей среды, представлений, восприятий, ощущений языковенных понятий, являющихся проекцией нашего

внутреннего, психического мира» [4: 29]. Данное определение ЭКМ можно считать наиболее полным, содержательным. Но даже оно фактически является лишь дескрипцией ЭКМ, так как в силу многостатусности, многоаспектности и полифоничности объекта дать универсальную дефиницию представляется невозможным. Но в качестве рабочей, дающей почти все необходимые ориентиры для исследования ЭКМ, она достаточно научно обоснована.

Философский тезис о промежуточности языка между внешним миром и человеком [2], не признающий пассивную — зеркальную — функцию языка, т. е. его только отражательная концепция, базируется на креативной динамической функции языка. Эта функция «замешана» на множестве ингредиентов, закладывающих основы национально-культурной специфики мировидения в данном обществе. Важнейшими среди этих ингредиентов являются эмоции конкретной говорящей личности или видовые эмоции конкретного этноса, которые как элемент его культуры формируют дух народа, представленный в его языковой картине мира. Поскольку когнитивная и эмоции тесно взаимосвязаны (этот тезис когнитологии уже никем более не оспаривается), а понятия включают в себя и эмоциональные содержательные величины (подробнее см.: [14: 47–58]), и поскольку мышление и сознание тоже сопровождаются такими величинами, можно предположить, что универсальная картина мира формируется в определенном языке через дух его народа и его эмоции.

Итак, существует объективный мир, существует его языковая картина, но в общении люди обмениваются не собственно номенами языковой картины мира, а своими представлениями о них, поскольку человек чувствует мир, переживает свои чувствования, интерпретирует их, чаще всего заинтересованно, а потому эмоционально. Поэтому представляется целесообразным выделять еще и эмоциональную картину мира, как индивидуальную, так и коллективную, но всегда культурно-национальную.

Отражение мира в его языковой картине происходит в форме его преломления че-

рез языковое сознание и речевые структуры. Применительно к тем случаям, когда мир подвергался не логическому картированию, а эмоциональной интерпретации, эмоциональному оцениванию, в языке фиксируется не сам мир, а его эмоциональное оценивание языковой личностью (ЯЛ). Человек эмоционально переживает то, что отражает (интерпретирует) и фиксирует это переживание как видовой эмоциональный опыт в языковых знаках-эмотивах, которые хранят этот опыт сколь угодно долго и воспроизводят его при необходимости в виде эмоциональных образов мира. Совокупность эмоциональных знаков языка создает эмоционально окрашенное и обладающее побудительной силой поле эмоционального отражения субъективного мира ЯЛ в ее эмоциональной картине мира. Отражение в данном случае выступает как воспроизведение в языковом знаке (слове, структуре) эмоционального оценивания ЯЛ мира и себя в этом мире. Оно же является и условием для вызывания (эвокации) соответствующей эмоции у адресата эмотивного знака — как пазла ЭКМ. Эмоциональная регуляция функционирует постоянно, как фильтр при построении картины мира, в том числе и языковой. Языковое пространство не покрывает всего объективного мира и его конституентов: мир намного богаче возможностей языка.

По-разному исследователи представляют себе и форму ЯКМ (см., например: [3; 19]). В данной работе в ЭКМ как разновидности ЯКМ мы выделяем три зоны: ядерную, периферийную и маргинальную. Каждая из них состоит из кластеров, включающих набор пазлов. В данном случае — пазлы-эмотивы и эмотивные ассоциаты, корреспондирующие с наборами чувственных реакций (эмоций) пользователей языка. ЭКМ находится в постоянной динамике: зарождающиеся в острые психологические моменты номены получают эмоциональное осмысление, превращаются в эмотивы и могут в новых различных психологических ситуациях переходить в периферийную зону, потом в маргинальную, позже уходить в пассив и либо храниться в человеческой памяти, либо теряться во временном пространстве. Поэтому и роль эмоции ЯЛ в номина-

ции осуществляется через креативную функцию языка и креативность, прежде всего, массмедиа. Журналисты изобретают и запускают в коммуникативный обиход ежедневно большое количество креатива, часть которых сразу же распределяется по трем зонам ЭКМ.

По мнению Ю. Н. Караулова, семантическое поле характеризуется структурной стабильностью и гибкой приспособляемостью к коммуникативным потребностям. К этому можем добавить, что оно определяется еще и текущими фактами, событиями (катастрофы, природные катаклизмы, теракты, рукотворные пожары, гибель людей и др.), и определенным временным отрезком (с течением времени эти константы меняются, т. е. они всегда нестабильны). Такие события получают мгновенную номинацию и требуют закрепления в ядре ЭКМ (*ЦАР, пенсионный диссонанс, отравление Скрипалей* и т. п.). Некоторые остаются центром медийного информационного поля и входят в ядерную зону ЭКМ. А со временем они вытесняются другими событиями/номенами, которые их замещают в ядерной зоне, и отодвигаются в периферийную, а потом и в маргинальную зоны ЭКМ. Примерами маргинальной зоны ЭКМ могут быть такие номинации, как *Уотергейт, Моникагейт* и др. Данная словообразовательная модель стала настолько популярна, что слово *гейт* стали присоединять к любому значимому имени внутрикультурно-национального и межнационального общения: *диссергейт* (др. примеры см. в «Маргинальной зоне» ЭКМ).

Представленные в данной таблице коституэнты ЭКМ фактически являются российской эмоциональной картиной мира (далее — РЭКМ) и к тому же не охватывающей все сферы российской действительности. В первой зоне выделены слова — либо символы эмоций, либо их ассоциаты, функционирующие как акторы нулевых годов XXI века. Среди них большое место занимают слова, картирующие эмоционально-медийную сферу и Интернет, а также экономику и различные правонарушения. Внутри зоны выделяются также тематические кластеры «Экономика», «Политическая жизнь», «Правонарушения и наказания», «Государственные структуры»,

Таблица. Зоны, кластеры и пазлы ЭКМ

Ядерная зона	Периферийная зона	Маргинальная зона
медиализация, медийное пространство, медиалогия, медиадискурс, медийные фигуры; инфоповод/шум/фейк (и все дериваты), деза, ЦАР, журналистское расследование, троллинг, клип, клиповое мышление, информационная война, многообразие зрения, атмосфера ненависти, страх, пиар (черный), репутационные потери, агрессия, агрессивная реклама, рейтинг, контент	«Матильда», «Хромая лошадь», бузотеры, монетизация, реформа, дорожная карта, ЛДНР, ДНР, Новороссия, Майдан (и все дериваты), политический гурман, «Телеграмм», Курск, Боинг, трампономика, крымшай, вежливые люди, Трампаши, центнеры долларов у взяточника, инновация, мельдоний, гейропа, секспросвет, телефонное право, брехлама, стопкор/хам, перезагрузка, айфон, баннер, трафик, фотошоп/жаба/фейк, Паралимпиада, таможенный союз, Креакл, антиязык, Эксклюзивный, обЪЕГЭрить, совок, открыточное убийство, попса, «юморина», пилотный проект, ценовые войны, болотное дело, Диссергейт, диссертационная яма, хвосты, паркомат, фактор Трампа, даунишфтер, Шнобелевская премия, Инстаграмм, ЛОМ (лидер общественного мнения), финансовая пирамида, Дизайн (и дериваты), новейшие русские, безнал, наличка, петербургер, кукишинг, фигинг, коммунажи, коми, КПССность, бомбист, коммунофашисты, СНГовия, СНГэк, СНГово, черный тюльпан, бандформирование, бюджетлянин, воменклатура, инновации, автомания, белоленточники, национальные проблемы	разгул демократии, дерьмократы, демократура, дуракраты, уотергейт, Мопикагате, ельцингейт, перестройка, катастрошка, борисстройка, рейгономика, гайдарномика, горбономика, сексуальные меньшинства, ваучеризация, бедро Примакова, челноки, новые русские, лимон, стольник, МММ (и дериваты), прихватизация, белые, красные, коричневая чума, черные полковники, красный день календаря
попытки в СИЗО, арестовать, посадить, осудить, коррупция, коррупционер, убийства, избивание, отравления, массовые расстрелы, агрессивное вождение, насилие, силовики, Росгвардия, нулевая толерантность, конфликт, керченский стрелок		
Мундиаль, ул. Никольская, мельдоний		
пожары, взрывы, теракты, «Зимняя вишня», Беслан, Норд Ост, Курск, крымский мост, реновация		
враги, ИГИЛ		
лайк (и все дериваты), хайп		
Референдум, чистые/грязные выборы, предвыборные карусели, вбросы бюллетеней, национальная идея / национальный лидер, духовные скрепы, декоммунизация, Ленино-/губернаторопад		
зарплата в конверте (белая vs серая), черный риэлтор/вторник/пятница, оптимизация, санкции, обманутые дольщики/вкладчики, теневая экономика, крышевать, Биткоин (и синонимы), топменеджер/лист, форум, тендер, импортозамещение, сити-менеджер, мошенничество, старт-ап (и все дериваты), мониторить, реновация, малый бизнес		
Интернет, цифровая технология/экономика/зависимость/война, электронные книги/учебники/письма, смартфон/планшет/ай-фон, гуглить, вотсап, хакеры, социальные сети, гаджет, селфи, кибер угроза/нападение/атака, беспилотники, робототехника/робототизация		
пенсионный диссонанс, флэшмоб, монстрация, протестные движения/акции, coming out, волонтеры, саммит, брифинг, Зеленые (экологи)		
раскол Православия		
роснефтята, трендашки, снегурдяшка, бэбибокс		

«Спорт», «Модные» эмотивы и аффективы, чаще всего англицизмы, «Стихийные и политические катаклизмы», «Достижения технического прогресса», «Религия» (которая также представлена далеко не полно), «Важнейшие происшествия и события» и др. «Детские креатемы», функционирующие в общении, многочисленны (др. примеры см., напр.: [18]), но в таблице они представ-

лены 4 примерами. Наиболее частотные эмоции, провоцируемые ядерными номенами, в основном негативны.

В периферийной зоне повторяются некоторые из тем первого кластера, добавлена тема «Секс», «Культура» и др. В периферийной зоне РЭКМ находятся слова меньшей коммуникативной активности. Градация активности конститу-

энтов КМ несомненно субъективна. Интуиция лингвиста признается субъективной методикой анализа языкового и текстового материала, поэтому составлять ЭКМ должен не один человек, а коллектив авторов. В данном случае в наши задачи не входило проведение серии ассоциативных экспериментов, поэтому представленная КМ основана на анализе собранного автором материала и представляется вполне репрезентативной.

В периферийную зону РЭКМ включены слова-стимулы, еще недавно входившие в ядерную зону РЭКМ в той или иной степени активности.

В третью зону РЭКМ включены слова, которые еще находятся в эмоциональной памяти большей части представителей старшего поколения россиян. Такие слова функционируют в выступлениях политических деятелей, в статьях журналистов, а также в художественных произведениях прошлых периодов XX века, особенно в 90-е годы. Слова-символы 90-х годов составляют наибольший список, и их эмоциональная окраска сохраняется в памяти также и у среднего поколения. Количество тем в маргинальной зоне несколько меньше, и наборов семантических признаков в разных кластерах также значительно меньше. Заметим, что список слов, картирующих маргинальную зону ЭКМ, также может быть расширен.

Подробный лингвосемиотический и семаиологический, а также ассоциативный анализ мог бы выявить внушительный список эмоций, которыми заряжены данные символы и которые провоцируют в большей степени негативные, в меньшей — позитивные, а также смешанные эмоции российских коммуникантов. Сопоставления кластеров эмоций в трех зонах ЭКМ выявляет затухание эмоциональной энергии каждого из конституэнтов по мере их перемещения в маргинальную сферу и их выходом за ее пределы (в данной статье кластеризация и «пазлирование» второй и третьей зоны ЭКМ не завершено: можно его продолжить по образцу первой зоны).

Такова ситуация со словом «перестройка», которое в период М. Горбачева было ключевым для ядерной зоны РЭКМ, а затем стало репродуцироваться в качестве новых deriva-

тов: *катастрожка, борисстройка, сексстройка*, а далее ушло вначале на периферию ЭКМ, а потом в маргинал и больше не является активным в коммуникации. Аналогично и с фраземой *бедро Примакова*. Таким образом, можно говорить о динамике пазлов ЭКМ и РЭКМ, их центробежном и центростремительном движениях внутри трех зон ЭКМ / РЭКМ, то есть о ядре языка и сознания и их периферии, соответствующих конкретным событиям, получающим языковую (лексическую и грамматическую) номинацию. Так, в настоящее время в ядерной зоне РЭКМ находятся такие номинации, как: *силовики, мундиаль, автомания, беспилотники, робототехника, малый бизнес, фейки, рейтинг* (запущен в обиход в 1990-е гг. в связи с Ельциным), *мониторить* и т. п. Сразу оговоримся, что пазл ЭКМ «Мундиаль» — самый экспрессивный и эмоционально-оценочный, прагматичный и аффективный в июне-июле 2018 года — быстро продвигается в периферийную зону. В то время как возникшие в нулевых годах номинации типа: *мониторить, рейтинг, инновации* и др. (см. ядерную зону в списке ЭКМ) остаются акторами коммуникации. Аналогичная ситуация была и со словом *ваучеризация*, которое вначале поменяло свой эмоционально-оценочный знак на противоположный (пережило реверсию) и позже коммуникативно ослабело в силу неупотребительности.

Все возникающие под влиянием происходящих событий, фактов (ивентов) инновации получают эмоциональную рефлекссию, переживаются всем языковым социумом, формируют эмоциональные ассоциации, воспроизводят эмоциональные ситуации, суггестируют, превращаются в семиотические знаки. Некоторые из них сохраняются в человеческой памяти надолго. Некоторые легко вытесняются следующими более сильными эмоциональными переживаниями. Именно такие языковые знаки В. И. Бехтерев называл коллективной рефлексологией [1].

ЭКМ находится в постоянной динамике, она «дышит» вместе с духом народа, обновляется и может быть представлена в определенном отрезке времени лишь фрагментарно, как, например, нижеследующие компоненты РЭКМ

(пазлы, номинирующие акторы ЭКМ): *роснефтята, хайп, медиализация, «Матильда»* и др. (См. кластеры «Ядерная зона» «Периферийная зона», «Маргинальная зона».) Повсеместное распространение эмоций в современном коммуникативном пространстве обуславливает эмоциональное восприятие мира, суть которого заключается в отражении объективно существующей реальности сквозь призму человеческих эмоций [12]. Поэтому, с нашей точки зрения, ЭКМ представляет собой эмоциональное осмысление и чувственное восприятие объектов окружающей действительности, которые через импликацию последовательных процессов концептуализации, категоризации и вербализации отражаются в языке.

Эмоциональное миропонимание, концептуализируемое и вербализуемое, фиксируемое в языке через его ословление, суть речевые коллективные эмоциональные рефлексy на мир [1]. С помощью таких рефлексов осуществляется интерпретация эмоциональных позиций (оценок) речевой личности в ее отношении к миру. Эта эмоциональная позиция может быть сугубо личностной, а может быть и коллективной, т. е. видовой (ср.: *демокрады, дерьмократы, демократура, деморазрушители, демза* (эти креатеми, появившиеся в 90-х годах прошлого столетия, в настоящее время ушли в маргинальную зону современной ЭКМ); *Ма! Купи фломзики! (о фломастерах); кукишинг, фигинг* (о сленге); *жигули-шмыгули, ме-муаразм, камазонки, трындышки* и др.).

Эмоциональная языковая картина мира — это не картирование мира, а эмоциональное осмысление и переосмысление конкретных фактов, событий, имен собственных и т. п. Это эмоционально-оценочное отношение к ним, которое может по социально-экономическим и политико-идеологическим причинам очень резко меняться, вплоть до противоположного: *коммунизм, коммунист, партбилет* и др. советизмы до распада СССР стали пейоративами: *коммуняки, молох коммунизма, динозавры коммунизма, коммунистическое крепостничество* и т. п. Их эмоционально-оценочный знак семиотически реверсировался, т. е. при том же денотате изменился сигнификат. Отсюда логичен тезис об эмоции как

эlemente внутренней формы языка (и слова) и как причине динамики эмотивного языка и смены эмоциональной окраски языковой картины мира: *фашизм, национализм, коммунизм, социализм* и др. аналогичные номинации недалеких прошлых событий. Память о них осталась в сознании коммуникантов, языковые знаки, их номинации тоже, но они ушли в маргинальную зону ЭКМ. Эти пазлы сегодняшней ЭКМ или амбивалентны, или пейоративны. Можно привести и другие примеры, как под влиянием ситуации в стране языковые номинанты реверсируют свои эмоционально-оценочные смыслы внутри прежней формы. Так что не всегда форма соответствует содержанию, что является одной из причин серьезных коммуникативных помех.

Все вышеприведенные примеры относятся к концу XX века, и тогда многие из них были ядерными пазлами ЭКМ. Но с течением времени их вытеснили более активные по значению и социальной важности события, которые получили соответствующие номинации и заняли их место. Позже и они были вытеснены другими пазлами — событиями/номинациями (см. список пазловых вербалий ЭКМ). Поэтому повторим, что не может быть единой и статичной эмоциональной картины мира, так как происходит постоянная смена эмоций человека, номинирующего окружающий мир. Как показывают приведенные выше кластеры пазлов ЭКМ, их динамика напоминает калейдоскоп, все время меняющийся при вращении его трубки. С другой стороны, их динамика проявляется и в усилении/экспрессивизации эмоций, формирующих ЭКМ. Именно в этом отношении мы довольно часто говорим в своих работах об эмоционализации мира в мировой коммуникации [17].

Эмоциональная картина мира в зависимости от типа эмоциональной позиции говорящего может быть индивидуальной (личностной) и коллективной. Но она никогда не может быть объективной и адекватной за пределами для языка миру, тем более в его эмоциональной интерпретации человека не только говорящего, но и чувствующего (*homo sentiens*). Ведь как ни в каком другом измерении языковой картины мира здесь

контрастирует «свой» и «чужой» дух народов, их языков (ср.: япон. *гайдзин* (*чужак*), *сумимасен*; англ. *foreign*; рус. *нацмен, хохлы, укроп, майдаун* и др.); укр. *москаль, кацап, ватник, совок, колорады*). В силу национально-специфичных (этнических) различий в типе оценок, лежащих в основе эмотивно-вербальных рефлексов на мир, у речевых личностей естественны эмотивные лакуны [11; 13], которые являются причиной коммуникативных помех и провалов, особенно при межъязыковом общении [16: 198–205]. Вышеприведенные рассуждения позволяют выдвинуть тезис об огромной роли эмоции как главного «человеческого фактора» в формировании эмоциональной окраски языковой картины мира.

Повторим еще раз, что ЭКМ это вариант и фрагмент универсальной ЯКМ, как результат эмоционального осмысления мира конкретной ЯЛ и языковым сообществом. Поэтому и роль эмоций ЯЛ в номинации (через креативную функцию языка) и в экспрессии ее ценностно-личностного отношения к миру должна быть признана наукой как важнейшая когнитивная стратегия имяназечения в процессе самовыражения ЯЛ и языкового коллектива [18: 324–333].

Поскольку человек — существо эмоциональное, в его языке существует специфический эмотивный код и эмотивная функция, эмотивная лексика и семантика в нескольких ипостасях, которые активно эксплуатируются в лексико-семантическом картировании и интерпретировании мира и которые постоянно обновляются. Напомним, что человек является не отражателем мира, а его интерпретатором, а интерпретирует он этот мир всегда пристрастно, то есть эмоционально. Отсюда и огромное значение ЭКМ в общем конгломерате многочисленных КМ: она не может быть отражена в какой-то единой КМ, которая была бы адекватной для всех существующих лингвокультур и этносов. Отсюда и большой перечень разных КМ, которые мы упомянули выше. В этой сфере языковая антиномия «нормированность-импровизация» за счет языковой игры и бесконечных эмотивных валентностей (прегнантности) речевых единиц, а также за счет мены эмотивных знаков наиболее заметна и сильна.

Вариативность языкового оформления эмоциональной мысли как специфической рефлексии на мир практически бесконечна (в духе Лосевской бесконечной валентности). Она характеризуется эмоционально-волевым напряжением ЯЛ и оказывается выражением субъективного активного отношения ЯЛ к содержанию. А. Ф. Лосев, отмечая энергично-подвижную инаковость смыслов предметности, писал, что одна и та же предметность может быть выражена тысячами способами, в том числе и эмоциональными [5].

Выразительность эмоциональной картины мира прагматична: экспрессия и прагматика взаимодействуют, поскольку они связаны с обеими сторонами процесса языковой интерпретации действительности — субъектом (ЯЛ) и объектом (миром), именно через оценивающее отношение первого ко второму. Это взаимоотношение всегда субъективное, личностное, чаще всего эмоциональное, и поэтому оно является элементом человеческого фактора в языке.

Итак, эмоциональная картина мира не может быть единой, всеобъемлющей по причине субъективного фактора в языке, с помощью которого мир картируется словами и словосочетаниями. Каждый этнос, каждая культура картируют мир по-разному. Поэтому в данной статье рассматривается собственно эмоциональная картина русского современного мира (РЭКМ). Среди его номинаций используются и англицизмы, которые внесли в русский эмоциональный мир элементы англоязычной культуры. Это яркое доказательство меняющейся коммуникации в меняющемся мире и, соответственно, в меняющейся семиотике. Еще уже — представленная в статье эмоциональная картина является в известной степени впечатлением и чувствованием автора статьи, но она представляет и большую долю общих российских чувствований и может варьироваться чувствованиями других пользователей русского языка.

Несомненно, проблема эмоциональной картины мира представляется очень актуальной, т. к. весь современный мир давно перешел грань рационального и общается эмоционально как на внутрикультурном, так и межкультурном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерев В. И. Коллективная рефлексология // Бехтерев В. И. Избр. работы по социальной психологии. М., 1994.
2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык. Формирование духа. М., 1993.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
4. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
6. Мартыненко Н. Г. Эмоционально-оценочная картина мира говорящего коллектива // Вестн. ЯГУ. 2007. Т. 4. № 2. С. 68–71.
7. Попкова А. Н. Лингвоэмоциональная картина мира: особенности вербализации: автореф. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
8. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
9. Сорокин Ю. А. Поэтический текст и его цветограммы/лингвокологизмы // Стил. № 7. Белград, 2008. С. 265–275.
10. Шаховский В. И. Эмоциональная картина мира и язык // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Тез. докладов и сообщений междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995. С. 72–73.
11. Шаховский В. И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация. М., 1997. С. 139–152.
12. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
13. Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград, 2008.
14. Шаховский В. И. Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием? // Вопр. языкознания. 1987. № 5. С. 47–58.
15. Шаховский В. И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вести Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 1 (25). С. 7–20.
16. Шаховский В. И. Триада наук в новом направлении лингвистических исследований (становление эмотивной лингвоэкологии) // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. / Отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. М., 2011. С. 198–205.
17. Шаховский В. И. Триада экологий — человек, язык, эмоции — в современной коммуникативной практике. Волгоград, 2017. URL: <http://www.iprbookshop.ru/58327>.
18. Шаховский В. И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопр. психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 324–333.
19. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.; Калуга, 2011.
20. Яньшин П. В. Эмоциональный цвет: Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. Самара, 1996.
21. Яньшин П. В. Психосемантика цвета. СПб., 2006.

REFERENCES

1. Bekhner V. I. (1994) *Kollektivnaia refleksologiya* [Collective Reflexology] In: *Izbrannye raboty po sotsial'noi psikhologii* [Selected Works on Social Studies]. Moscow (in Russian)

2. Vaisgerber Y. L. (1993) *Rodnoi iazyk. Formirovanie dukha* [Native Language. Formation of Spirit]. Moscow (in Russian)
3. Karaulov Ju. N. (1976) *Obshchaia i russkaia ideografiia* [General and Russian Ideography]. Moscow (in Russian)
4. Krasavskii N. A. (2001) *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokult'urakh* [Emotional Concepts in the German and Russian Linguocultures]. Volgograd (in Russian)
5. Losev A. F. (1982) *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth] Moscow (in Russian)
6. Martynenko N. G. (2007) *Emotsional'no-otsenocnaia kartina mira govoriashchego kollektiva* [Emotional Evaluative Worldview of the Language Society]. In: *Vestnik Iakutskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Issue of the Yakutsk State University], vol. 4. № 2. Yakutsk, pp. 68–71.
7. Popkova A. N. (2005) *Lingvoemotsionalnaia kartina mira: osobennosti verbalizatsii* [Linguoemotional Worldview: Peculiarities of Verbalization] (Extended abstract of Candidate's thesis, Philology). Krasnodar. (in Russian)
8. Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: iazyk i kartina mira [The Role of the Personal Factor in the Language: Language and Worldview] (1988). Moscow (in Russian)
9. Sorokin Yu. A. (2008) *Poeticheskii tekst i ego tsvetogrammy/lingvokolorizmy* [Poetic Text and its Colourgrams/Linguocolorism]. In: *Stil'* [Style], no. 7, Belgrade, pp. 265–275. (in Russian)
10. Shakhovskii V. I. (1995) *Emotsionalnaia kartina mira i iazyk* [Emotional Worldview and the Language]. In: *Leksika, grammatika, tekst v svete antropologicheskoi lingvistiki* [Lexics, Grammar, Text in the Light of Anthropology]. Yekaterinburg, pp. 72–73. (in Russian)
11. Shakhovskii V. I. (1997) *O perevodimosti emotivnykh smyslov khudozhestvennogo teksta* [On Translating Emotive Sense of Fiction] In: *Perevod i kommunikatsiya* [Translation and Communication]. Moscow, pp. 139–152. (in Russian)
12. Shakhovskii V. I. (2008) *Lingvisticheskaia teoriia emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow (in Russian)
13. Shakhovskii V. I. (2008) *Tekst i ego kognitivno-emotivnye metamorfozy* [Text and its Cognitive Emotional Metamorphoses]. Volgograd (in Russian)
14. Shakhovskii V. I. (1987) *Sootnosit'sia li emotivnoe znachenie slova s ponyatiem* [Does the Emotive Meaning correlate with the Notion]. In: *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of Linguistics], no. 5. Moscow, pp. 47–58. (in Russian)
15. Shakhovskii V. I. (2015) *Meniaiushchiasia kartina mira v dinamike iazyka i rechi* [Changing Worldview in the Dynamics of the Language and Speech]. In: *Vesti Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Issue of the Volgograd State University], no. 1 (25). Volgograd, pp. 7–20. (in Russian)
16. Shakhovskii V. I. (2011) *Triada nauk v novom napravlenii lingvisticheskikh issledovani* (stanovlenie emotivnoi lingvoekologii) [Triad of Sciences in the New Trend of Linguistic Research (Emotive Linguocology Grounding)]. In: *Obraz mira v zerkale iazyka* [Image of the World in the Language Mirror]. Moscow, pp. 198–205. (in Russian)
17. Shakhovskii V. I. (2017) *Triada ekologii — chelovek, iazyk, emotsii — v sovremennoi kommunikativnoi praktike* [Triad of Ecologies — Person, Language, Emotions — in Modern Communicative Practice]. Accessed at: <http://www.iprbookshop.ru/58327>. (in Russian)
18. Shakhovskii V. I. (2016) *Kreatemy v modeli iazykogo soznaniia russkikh* [Createmes in the Model of Linguistic Mind of the Russians]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of Psycholinguistics], no. 2 (28). Moscow, pp. 324–333. (in Russian)
19. Ufimtseva N. V. (2011) *Iazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Language Mind: Dynamics and Variability]. Moscow, Kaluga (in Russian)
20. Yan'shin P. V. (1996) *Emotsional'nyi tsvet: Emotsional'nyi komponent v psikhologicheskoi strukture tsвета* [Emotional Colour: Emotional Component in the Psychological Structure of the Colour]. Samara (in Russian)
21. Yan'shin P. V. (2006) *Psikhosemantika tsвета* [Psychosemantics of the Colour]. St. Petersburg (in Russian)